

Учитель Линь согласилась на неделю подменить его в качестве классного руководителя, а уроки словесности в трех классах временно взяла на себя учитель Цянь. Спустя три дня Ин Фэн, закинув за плечи тяжелый походный рюкзак, уже стоял у ворот управления образования. Оттуда вместе с коллегами из других школ он сел в автобус, направлявшийся в аэропорт.

Гуманитарной помощи набралось столько, что везти всё самолетом было немыслимо. Груз заранее отправили в Бэйши наземным транспортом. Сами же волонтеры сначала вылетели из Нананя в Бэйши, чтобы оттуда вместе двинуться поездом во Внутреннюю Монголию. Помощь предназначалась трем начальным школам в разных округах, поэтому по прибытии в столицу автономного района группа разделилась — каждый направился в свой пункт назначения.

Путь Ин Фэна лежал в небольшой поселок одного из хошунов аймака Силин-Гол. Маршрут предстоял долгий: сначала поездом до Цзинина, затем пересадка до Шилин-Хота. Там прибывающих должны были встретить местные преподаватели. Вместе с Ин Фэном ехали двое представителей благотворительного фонда и чиновник из управления образования. Добравшись до Шилин-Хота, они решили заночевать в городе, чтобы набраться сил перед утренней дорогой в поселок.

Ин Фэну же не терпелось поскорее оказаться на месте. Пока остальные члены делегации чинно катили чемоданы, он один красовался в тяжелых трекинговых ботинках и с огромным рюкзаком, в который предусмотрительно упаковал ветровку-штормовку и защитную маску от ветра и пыли. Руководитель группы из управления образования, глядя на него, только добродушно посмеивался:

— А парень-то у нас бывалый!

По счастливой случайности как раз в это время в поселок отправляли очередную партию груза. Ин Фэн решил разузнать, как обстоят дела, и заметил, что в кузове грузовой машины еще осталось свободное место.

Он тут же обратился с просьбой разрешить ему поехать раньше остальных. Встречающий учитель подтвердил, что жилье для гостей давно готово, и, расспросив обо всех деталях, руководитель группы без лишних разговоров отпустил его. Не скрывая восторга, Ин Фэн запрыгнул в кабину и отправился в путь вместе с водителем и местным педагогом.

Летние сумерки во Внутренней Монголии наступают поздно — темнеть начинает лишь после девяти вечера. Пока машина ходила на северо-восток, за окном по-прежнему стоял ясный день. Попутчик увлеченно рассказывал Ин Фэну о местных красотах и школьных буднях, так что за разговорами они быстро сошлись.

— Выберем денек, как освободитесь, и я обязательно свожу вас к границе, учитель Ин, — предложил собеседник.

— Ой, спасибо огромное! Но неужели вам не в тягость?

— Ну что вы, какая тягость! Это вам пришлось проделать такой путь ради наших детей, мы вам безмерно благодарны. Единственное — дороги у нас неважные, трясотины будут сильно.

— Ничего страшного, я привык, — с улыбкой отозвался Ин Фэн и принялся делиться воспоминаниями о своих студенческих годах и прежних поездках.

За душевной беседой время пролетело незаметно. Смеркалось. Одолев извилистый горный серпантин и еще около часа попрыгав на ухабах, машина наконец въехала в поселок.

Ин Фэн высунулся из окна, жадно вдыхая прохладный ночной воздух и разглядывая силуэты бесконечной горной гряды и раскинувшуюся в темноте степь.

Первым делом они направились к школе. Предстояло разгрузить коробки с вещами — официальная церемония передачи даров должна была состояться позже, по приезду руководства, но подготовить всё требовалось заранее. Провозившись немало времени, Ин Фэн наконец закончил с делами, и местный коллега повез его устраиваться на ночлег. Туристы в этих краях бывали часто, но в основном путешествовали дикарем на своих машинах или арендованном транспорте, предпочитая останавливаться в гостевых домах у местных жителей, поэтому обычных гостиниц в поселке практически не водилось.

Для делегации забронировали номера в уютном гостевом доме. Ин Фэн никогда не отличался привередливостью, к тому же эти условия казались поистине царскими по сравнению с тем захолустьем, где он когда-то волонтерствовал в студенческие годы. Местный учитель за день вымотался не меньше него, поэтому Ин Фэн поспешил отправить его отдыхать. Быстро перекусив заботливо приготовленным ужином, он и сам должен был бы лечь спать — впереди ждал трудный день.

Но долгожданная поездка так взбудоражила его, что сон не шел. Тогда он достал из рюкзака теплый свитер, накинул сверху непродуваемую куртку и решил выйти прогуляться.

Хозяин дома, заметив постояльца у дверей, проявил заботу. Узнав, что гость хочет осмотреться, он не только щедро предложил ему ключи от собственной машины, но и подсказал маршрут: если ехать строго на восток, можно выбраться к настоящей степи и реке. Местные прекрасно знали, что городские жители едут в эти края именно ради бескрайних просторов и дикой природы.

Ин Фэн умел водить и спорить не стал. Поблагодарив гостеприимного хозяина, он сел за руль внедорожника и направился в указанную сторону.

— Кстати, — крикнул ему вдогонку мужчина, когда машина уже выезжала со двора, — около часа назад туда же поехал еще один постоялец. Может, свидитесь в степи! Если встретитесь, возвращайтесь вместе, веселее будет!

— Договорились, спасибо! — отозвался Ин Фэн и нажал на газ.

Дорога была совершенно пустынной. Ни встречных машин, ни скота — даже овцы и лошади давно разбрелись по загонам и спали. Вокруг царила оглушительная тишина, нарушаемая лишь мерным рокотом мотора.

Никакого страха он не испытывал — только пьянящее чувство свободы. Примерно через полчаса пути в свете фар стали проступать бескрайние луга. Впрочем, это были еще не первозданные дикие степи: вдоль обочин то и дело мелькали крыши редких домов, напоминая о близости человека. Ин Фэн притормозил и высунулся из окна. Чтобы добраться до настоящих заповедных просторов, нужно было ехать гораздо дальше.

Но завтра предстояло встречать руководство и решать массу организационных вопросов, так что забираться в глубь безлюдных земель не стоило.

Неподалеку, у края дороги, синел силуэт припаркованного автомобиля. «Наверное, тот самый постоялец, о котором говорил хозяин», — подумал Ин Фэн. Он припарковался следом, застегнул куртку до самого подбородка, накинул капюшон и, заглушив двигатель, вышел в ночную прохладу. Ноги сами понесли его прочь от дороги, в глубь холмистой равнины. Идти по неровной, изрезанной оврагами и пологими склонами земле было на удивление легко благодаря надежным ботинкам. Холод не беспокоил его, напротив, с каждым шагом внутри нарастало радостное предвкушение. Он уже собирался взобраться на очередной пологий холм, как вдруг ночную тишину прорезали тихие, чистые звуки.

Кто-то перебирал струны гитары.

Ин Фэн замер, оступился на влажной траве и едва не покатился кубарем вниз по склону.

Кое-как удержав равновесие и ухватившись руками за землю, он замер, не смея поднять головы. Звуки раздавались совсем рядом, буквально в нескольких шагах от него. Юноша судорожно заморгал, пытаясь справиться с внезапным волнением. Аккорды затихли, и он уже готов был облегченно перевести дух, как вдруг над степью поплыл знакомый голос, сливаясь с новой, нежной мелодией.

Едва заслышав этот тембр и первые строки песни, Ин Фэн почувствовал, как из ног уходит всякая сила. Он безвольно опустился на колени и припал грудью к холмистому склону.

Разум его словно оцепенел, взгляд беспорядочно блуждал по траве, не находя опоры.

Вдруг сквозь песню прорезался звонкий детский голосок:

— Дядя, вы так красиво поете!

В ответ раздался тихий, бархатистый смешок, а следом — мягкий скользящий звук пальцев по струнам. Ин Фэн немного пришел в себя. Упираясь ладонями в землю, он осторожно, дюйм за

дьюмом, пополз вверх по склону холма. Стоило лишь приподнять голову, и он увидел бы того, кто сидел на вершине.

Но страх сковал его.

Пальцы судорожно впились в жесткие стебли сухой травы. Сделав над собой усилие, Ин Фэн все же поднял глаза.

Взгляд скользнул за кромку холма. Всего в трех шагах от него, спиной к склону, сидел человек. И в то же мгновение мир перед глазами Ин Фэна расплылся от хлынувших слез.

А ведь он когда-то думал, что этот человек больше никогда не запоет.

Их первая встреча случилась, когда Ин Фэну было восемнадцать.

Приемные родители завели его в свой дом уже в сознательном возрасте. Он прекрасно помнил свое прошлое, а потому изо всех сил старался прилежно учиться. Новые папа и мама относились к нему с искренней теплотой. Даже когда у них родилась долгожданная родная дочь, отношение к приемному сыну ничуть не изменилось, да и младшая сестра души в брате не чаяла. Ин Фэн ценил это счастье, но в глубине души, пока еще не повзрослел, всегда таил подсознательный страх.

Особенно тяжело пришлось после окончания средней школы. Его терзала невыносимая тревога: вдруг теперь, когда обязательное образование позади, его сочтут обузой и вернут обратно?

Плата за старшую школу была куда выше, но семья даже не помышляла о том, чтобы отказаться от него. Родители по-прежнему покупали ему хорошую одежду, оплачивали учебу и баловали подарками на каждый праздник. От этого Ин Фэна лишь сильнее мучило чувство вины. Ему было неловко тратить родительские сбережения, и с первого же класса старшей школы он начал подрабатывать. На заработанные деньги он покупал подарки отцу, матери и сестренке. Видеть их счастливые улыбки было для него высшей наградой.

Поступление в университет грозило еще более серьезными расходами. Ин Фэн понимал, что родные расшибутся в лепешку, но обеспечат ему образование, однако не хотел злоупотреблять их добротой. Едва узнав результаты выпускных экзаменов и убедившись, что проходного балла в Нананьский педуниверситет хватает с лихвой, он тут же собрал вещи и уехал в Нанань. Поначалу пристроился в общежитии у знакомого старшекурсника и сразу взялся за работу, чтобы самому скопить на первый семестр.

Учился он блестяще, хотя и страдал от катастрофического перекаса в предметах. На едином госэкзамене он набрал выдающиеся 138 баллов по китайскому и невероятные 149 по английскому. Но вот математика обернулась полным провалом — всего 68 баллов, он даже не дотянул до проходного порога. Из-за этого общего счета не хватило на самый престижный вуз

страны, но сам Ин Фэн ничуть не расстроился. Точные науки были для него темным лесом: сколько бы задач он ни решал, формулы так и оставались бессмысленным набором знаков.

С такими великолепными результатами по гуманитарным дисциплинам найти подработку в крупном городе оказалось проще простого. Преподаватели его уровня требовались во многих учебных центрах. Стоило ему на первом же собеседовании показать ведомость с баллами, как руководство без лишних раздумий предложило ему место. Так началась его трудовая жизнь. Образовательная сеть только расширялась, и его распределили в новый филиал, открывшийся в только что выстроенном торговом комплексе.

Он помогал младшеклассникам подтягивать родной язык. С графиком два через один работа не казалась изнурительной, а платили весьма прилично. Ин Фэн был искренне доволен своей судьбой.

День, когда он впервые увидел Цзинь Шу, врезался в память навсегда. То были душные летние сумерки, полные глухого, непрекращающегося рокота грозы.

В тот день у Ин Фэна была смена, но из-за непрерывных раскатов грома, предвещавших нешуточный ливень, занятия в центре сократили. Родители поспешили разобрать притихшую детвору, и, передав последнего ребенка с рук на руки, молодой учитель тоже засобирався домой.

Спустившись на лифте, он пошел в обход к запасному выходу из торгового центра, откуда было ближе до метро. Едва он переступил порог, как над головой с оглушительным треском разорвался очередной грозовой разряд. От неожиданности Ин Фэн вздрогнул — и прохожие вокруг испуганно замерли вместе с ним.

На какое-то мгновение мир вокруг словно оглох и погрузился во тьму, затаив дыхание перед бурей.

И в этой звенящей тишине откуда-то сзади донеслась мелодия. Кто-то пел песню, похожую на старинную колыбельную. Слова звучали не на китайском — то ли на монгольском, то ли на тибетском языке. В голосе исполнителя сквозила чистая, едва скрываемая юношеская несмелость, а редкие, вибрирующие аккорды акустической гитары придавали пению щемящую, одинокую искренность. В мгновение ока душный, зажатый в тиски грозовых туч мегаполис словно растворился, уступив место бескрайней, исполненной светлой грусти степи.

Ин Фэн обернулся. На открытой площади за торговым центром возвышалась наскоро сколоченная уличная сцена.

Ее установили для привлечения покупателей в только что открывшийся комплекс, и там частенько выступали никому не известные бродячие музыканты. Прежде Ин Фэн всегда проходил мимо, не удостоивая их и секундным вниманием.

Но теперь его взгляд приковала группа долговязых незнакомых парней. Кто-то стоял за синтезатором, кто-то держал в руках бас-гитару, но все они замерли, словно изваяния. Играл и пел лишь один — тот, что стоял в самом центре, низко склонив голову над декой гитары.

Небо продолжало раскалываться от грома. Редкие прохожие прибавляли шагу, спеша укрыться от надвигающегося ливня, уходя и сменяясь другими лицами.

Ни грозовому небу, ни мокрому асфальту, ни вечно спешащей толпе — никому в целом свете не было дела до мальчишек на сцене. Таким же равнодушным еще минуту назад был и сам Ин Фэн.

Но теперь он замер посреди людского потока, не в силах шевельнуться, и заворуженно слушал, как незнакомый юноша тихо поет свою песню до самого последнего слова.

Он не понимал ни единого слова, но когда смолк последний слог и затихла финальная нота, сорвавшаяся с пальцев музыканта, Ин Фэн с удивлением обнаружил, что по его щекам ручьем текут слезы.

Когда песня закончилась, со стороны редких зрителей не раздалось ни единого хлопка.

Высокий юноша молча повернулся и покинул сцену, даже не взглянув на пустую площадь. На его место уже спешил следующий исполнитель.

И тут небо наконец прорвало. Оглушительный грохот ознаменовал начало ливня, и на землю обрушилась сплошная стена воды. Стоявшие рядом девушки испуганно взвизгнули и бросились под спасительные козырьки торгового центра. Ин Фэн же остался стоять на месте. Не обращая внимания на хлещущие по лицу потоки воды, сквозь пелену слез он продолжал неотрывно смотреть туда, куда ушел музыкант.

И вдруг тот обернулся — возможно, его тоже встревожил этот девичий визг.

Пелена слез мешала смотреть, но в то же время обострила зрение до предела.

Ин Фэн быстрым жестом смахнул с лица дождевые капли. Сквозь стену воды, заглушая шум бури и крики толпы, он поймал этот мимолетный, случайный взгляд. И в этот краткий миг отчетливо разглядел лицо юноши и его чистые, прозрачно-голубые глаза, словно омытые небесной влагой.

В ту же секунду мир вокруг наконец очнулся.

На площади одновременно вспыхнули сотни ярких огней.

И этот пронзительный взгляд синих глаз навсегда опустился на самое дно души Ин Фэна.

Нахлынувшие воспоминания и звуки той самой песни заставили его заново пережить давно забытую бурю. Юноша лежал ничком на траве, а слезы катились по лицу, точь-в-точь как дождевые струи в тот памятный день.

Временами он ловил себя на эгоистичной мысли: зачем Цзинь Шу вообще пошел на сцену, зачем стал актером и всенародным любимцем? Останься он прежним безвестным уличным музыкантом, быть может, Ин Фэну не пришлось бы делить его образ с миллионами других людей?

Но каждый раз он тут же одергивал себя. Цзинь Шу понятия не имел о его существовании. И даже не будь он знаменитостью, пути столь яркого человека никогда не пересеклись бы с жизненной дорогой обычного школьного учителя.

Шицзе была абсолютно права: неужели того давнего ливня не хватило, чтобы остудить его горячую голову?

У Цзинь Шу подрастал сын! И его никогда в жизни не привлекали мужчины.

И уж тем более он никогда не посмотрел бы на него.

Он даже лица его не помнил.

Да и разве плохо, что его кумир стал звездой? Так Ин Фэн мог любить его издалека, наблюдать за его успехами, слушать его песни. В конце концов, в этом году Цзинь Шу даже поздравил его с днем рождения!

А ведь восемь лет назад он прождал до самого рассвета, карауля утихающий и вновь разгорающийся дождь, так и не дождавшись заветных слов.

Быть просто преданным поклонником — не такая уж плохая доля.

Пусть Цзинь Шу и не подозревал о незримом присутствии Ин Фэна в своей жизни на протяжении стольких лет, он наверняка слышал о преданном фанате по имени Цзинь Сяюй, который умудрился всколыхнуть тренды соцсетей.

Ин Фэн никогда не был пессимистом и ехал во Внутреннюю Монголию с самыми светлыми надеждами. Но кто мог предугадать, что судьба столкнет их именно здесь? Да еще при таких невероятных обстоятельствах: Цзинь Шу сидит посреди бескрайней ночной степи и поет случайной маленькой девочке песню, которую Ин Фэн слышал лишь однажды, восемь лет назад...

Всего один-единственный раз.

Ин Фэн тихо всхлипывал, отчаянно вытирая слезы рукавом куртки, словно пытаясь окончательно проститься со своей первой, безответной любовью.

Нелепой, безответной и бесконечно грустной любовью.

Стараясь не шуметь, он начал медленно отползать назад, мечтая лишь об одном — незаметно вернуться к машине и сделать вид, будто его здесь никогда не было.

Но из-за спешки и предательского, слишком громкого всхлипа сухая трава под его телом громко зашуршала. Ин Фэн оцепенел. Он инстинктивно оглянулся и тут же столкнулся взглядом с Цзинь Шу, который уже поворачивался в его сторону.

О боже...

Ин Фэн ведь правда уже успокоился! Все это дела давно минувших дней, обычная минутная слабость от нахлынувших воспоминаний. Поплакал и хватит, нужно жить дальше и с оптимизмом смотреть в будущее. Да и зачем ему вообще сдалась эта любовь?

Но почему, почему он должен был предстать перед Цзинь Шу именно в таком жалком, растерзанном виде?!

От стыда и досады ему захотелось разрыдаться с новой силой.

Как назло, луна над головой светила немилосердно ярко, да и фары припаркованных в отдалении машин добавляли света. На Цзинь Шу были нахлобучены кепка с широким козырьком и очки, но Ин Фэн отчетливо видел застывшее на его лице крайнее недоумение.

Бежать было некуда. Ин Фэн и без зеркала понимал, насколько нелепо выглядит со стороны.

— Я... я просто... Песня такая красивая, — пробормотал несчастный учитель Ин, все еще лежа ничком на земле и отплевываясь от забившихся в рот сухих травинок. — Столько чувств в ней, понимаете? Я... меня просто за душу взяло, вот я и разрыдался... От избытка чувств, честное слово...

<http://bllate.org/book/20637/2134981>